

А БЫЛ ЛИ АНГЕЛ?

Александр Владимирович Чиненков родился в 1961 году в Медногорске. Получил высшее юридическое образование, окончил школу милиции, работал в райцентре Сакмара. Автор рассказов, повестей, исторических романов, переложений сказов оренбургских и уральских казаков. Член Союза российских писателей. Лауреат региональной литературной премии имени П.И. Рычкова (2011) и Всероссийской литературной премии имени Д.Н. Мамина-Сибиряка (2013). Живёт в Сакмаре.

Утро. В Гомельском областном клиническом госпитале инвалидов Великой Отечественной войны начался обход. Доктор Степаненко вошёл в палату и сразу направился к кровати, на которой лежал сурового вида мужчина лет восьмидесяти. Пациент равнодушно смотрел в потолок, ни на что и ни на кого не обращая внимания.

Вадим Сергеевич присел рядом с больным:

— Как себя чувствуете, Барыс Лукич? Боли в сердце не беспокоят?

Больной медленно перевёл на него взгляд и усмехнулся:

— Чего спрашиваешь, Вадим Сергеевич? Сам же знаешь: как беспокоили меня боли, так и беспокоят. Куда же им деться? С того самого дня, как осколок немецкой гранаты засел рядом с моим сердцем, так и беспокоит время от времени.

— Да-а-а, извлечь твой осколок больших трудов стоит, —

вздыхнул врач. — Прочно он засел в твоей груди. Вот если бы его вовремя достать, сразу после ранения...

— О чём ты говоришь, Вадим Сергеевич? — ухмыльнулся старик. — Если сейчас извлечь его больших трудов стоит, то что уж говорить о возможностях полевого госпиталя в сорок пятом? Доктор сказал мне, когда я после операции очухался, что осколочка этого касаться нельзя и что жить мне с ним столько, сколько Господь дозволит.

— Что, прямо так и сказал? — вскинул брови доктор. — Жить будешь столько, сколько Бог позо-
во-лит?

Старик молчал с минуту, а потом ответил:

— Так и сказал, не стал темнить и ходить вокруг да около. А я вот до каких лет дожил, хотя осколочек частенько меня беспокоил.

— Да, это чудо, что ты до восьмидесяти с вершком прожил, — улыбнулся доктор. — Наверное, Бог послал тебе в помощь очень сильного и заботливого ангела-хранителя.

— Послал, и он всегда был со мной рядышком, — вздохнул старик. — Ангел ко мне ещё до войны пришёл, только не распознал я его сразу. Мальцом безмозглым и шаловливым был. Не верил ни в Бога, ни в Сатану и ни о чём не задумывался.

— И каков он, ангел-хранитель? — с улыбкой поинтересо-

вался доктор. — Большой или маленький, с крыльями или без? Ты сам-то его видел?

— Не его, а её, — на полном серьёзе уточнил старик. — Ко мне ангел явился в образе маленькой девочки, скромной, тихой, неприметной, но... Она обладала такой силой, которая никак не соизмерима с её худеньким тельцем.

— А почему ты решил, что явившаяся к тебе девочка — ангел во плоти? — заинтересовался доктор. — Она так представилась, или ты по каким-то причинам сам распознал в ней божьего посланника?

— Долго рассказывать, — вздохнул старик. — Если хочешь, заходи, как выпадет свободный часок. Тогда и расскажу тебе историю из своего детства. Будешь судить сам, существуют ангелы или нет. А операцию мне не планирую. Здоровья она мне уже не принесёт, только приблизит кончину.

— Это тебе ангел-хранитель такой совет дал? — спросил Степаненко, вставая.

— Да, — ответил старик, снова глядя в потолок. — Она прошлой ночью в последний раз ко мне явилась. Прощаясь, сказала, что уже в следующий раз за жизнью моей придёт.

***

Разговор с Барысом Лукичом заинтриговал доктора. Хотя он и считал себя убеждённым

атеистом, но в мире случалось столько необъяснимых чудес, которые не поддавались осмыслению и объяснялись только вмешательством «высших сил». Вот и на следующий день, собираясь на ночное дежурство в госпиталь, Вадим Сергеевич решил зайти по пути в Спасо-Преображенский храм и проконсультироваться у священнослужителей на предмет явления людям ангелов.

Батюшка выслушал его внимательно.

— Тебя интересует, существуют ли ангелы-хранители... — задумался он, подбирая слова для правильного ответа. — Мой ответ будет таков: существуют.

— Тогда кто они? — продолжил доктор.

— Ангелы, как и люди, — Божьи создания, — ответил священник. — Они носители Божественного Света. Ангелы-хранители невидимы и бессмертны и сопровождают людей в их жизни на земле.

— А это можно как-то проверить? — засомневался доктор. — Допустим, как мне узнать, есть ли у меня ангел-хранитель? Один мой пациент утверждает, что собственными глазами видел своего ангела в образе девочки.

— Вполне возможно, — вздохнул батюшка. — Ангелы обладают способностью проявляться в реальности, принимая привычный облик в глазах людей.

Священнослужитель подвёл врача к иконам с ликами ангелов и указал на них.

— Вот, полюбуйся, как они выглядят, — сказал он. — Таковыми их изобразили иконописцы, у которых писать иконы — дар Божий.

Ангелы на иконах были похожи на взрослых людей и детей. Все были облачены в белоснежные одеяния и очень красивы. Из-за спин их выглядывали чудесные крылья, покрытые белыми перьями. Было заметно, как образы ангелов благодаря искусству создавших иконы богомазов будто бы источали божественный свет как символ святой чистоты.

Священнослужитель ещё около часа рассказывал, чем отличается материальный мир людей от тонкого мира, в котором живут ангелы, о Боге-творце и о многих других таинствах, о которых Степаненко слушал уже вполуха: поджимало время, он опаздывал на работу. Наконец доктор распрощался с батюшкой и покинул храм.

***

Вечером, когда за окном стемнело, Степаненко сделал последнюю запись в историю болезни Барыса Лукича Смолича и откинулся на спинку стула.

«В отделении всё спокойно, спать не хочется. А не навесить ли в самом деле старика? — думал он. — Все эти рассказы батюшки о «житии ангелов» на веру брать, разумеется, нельзя, но... Они засели в голове острой занозой. Барыс Лукич уже много раз попадал в госпиталь на

лечение и столько же раз вспоминал о своём ангеле-хранителе. Но я ни разу не поинтересовался о его встрече с внеземным существом. Пойду-ка я к нему прямо сейчас и послушаю его загадочную историю. Если, конечно, он не передумает и не откажется мне её рассказать...»

Встав из-за стола и выключив настольную лампу, он вышел из кабинета в коридор и проследовал в палату ветерана.

***

— Ну вот, и сегодня ко мне никого не подселили, — ворчливо встретил его старик. — Словечком перекинуться не с кем. Я скоро чокнусь здесь от одиночества. Давай-ка выписывай меня завтра, прямо с утра, Вадим Сергеевич. Помирать домой поеду, не хочу уходить из жизни здесь, в ваших пенатах.

— Опять ты за своё, Барыс Лукич, — ставя стул у изголовья кровати больного, сказал доктор. — Селить к тебе соседа пока нет возможности, не поступил пока достойный. Да и умирать не спеши. У тебя есть ангел-хранитель, и он ещё будет долго о тебе заботиться.

Старик ответил не сразу. Сначала он повернулся на правый бок, потом вздохнул и сказал:

— Всё, забота ангела обо мне закончилась. Теперь она явится только за жизнью моей.

— Это я уже слышал от тебя вчера во время обхода, — напомнил врач. — А сейчас хотел

бы послушать о той девочке, с которой ты встретился когда-то давно и называешь её своим ангелом-хранителем.

Старик глубоко задумался. Он лежал с закрытыми глазами несколько минут и заговорил, когда доктор, начиная скучать, заёрзал на стуле.

— Давно это было, ещё в одна тысяча девятьсот тридцать восьмом году, как сейчас помню... Тогда мне четырнадцать лет всего было. В то время уже о голоде забывать стали, и жизнь в колею входила. Я в семье нашей седьмым ребёнком был, а потому баловнем ужасным. Мои старшие братья и сёстры давно уже своими семьями обзавелись, а я в семье нашей один остался. Шибко любили меня родители, мать баловала, а отец... Он всё больше то на полях колхозных пропадал, то на ферме. Батя только ночевать домой приходил, ну и обедать изредка заскакивал...

Старик около четверти часа рассказывал о жизни в колхозе, о своём хулиганском детстве, а затем сделал длительную паузу, вздохнул и перешёл к главному.

***

Деревня была небольшой, всего сорок дворов. Посреди села — школа и колхозный склад. В здании школы в дореволюционные времена располагался склад купца Куценко. Он скупал у местных жителей и в ближайших сёлах шкуры диких и домашних животных, которые

хранил в складе, а потом вывозил на продажу. После революции колхозный склад оборудовали в закрытой большевиками церкви, а в бывшем складе купца Куценко разместили школу, почту и маленький магазин.

Деревенская школа называлась шестилеткой. В ней было всего два кабинета. В одном обучались дети с первого по третий классы, а в другом — с четвёртого по шестой.

Барыс Смолич пошёл в 1938 году в шестой класс и считался по местным меркам старшеклассником. Сентябрьским тёплым днём он пришёл в школу раньше всех, как делал каждый год. Он любил первый школьный день, но этой любви хватало только на неделю, а потом учёба превращалась для него в ежедневную пытку.

За лето Барыс заметно подрос, загорел и раздался в плечах. Да он и так всегда был крепче и выше двоих своих одноклассников, не говоря уже о мелюзге помладше. В классе, где учился Барыс, было восемь учеников. Трое шестиклассников, три девочки-пятиклашки, а ещё мальчик и девочка — четырёхклашки. Обучала их пятидесятилетняя учительница Мария Григорьевна. Она приехала в деревню после окончания курсов тридцать лет назад, вышла замуж, да так и осталась тут. Мелюзгу в соседнем кабинете обучала молоденькая учительница Леся Олеговна.

Она всего два года назад оказалась в деревне.

Барыс сидел на скамейке перед входом и ждал, когда придут учителя и начнут собираться ученики. Это он пришёл слишком рано, и больше никто из учеников не спешил следовать его примеру. Барыс откровенно скучал и даже зевал от недосыпа. И вдруг...

Сонливость исчезла сразу, в один миг, как только он увидел худенькую маленькую девочку, которая подошла к колхозному складу — бывшей церкви — и, поставив сумочку на землю, встала перед ним на колени.

— Вот это ни фига себе! — присвистнул Барыс, во все глаза наблюдая за действиями молящейся. — Что она делает? Да кто вообще она такая?

Он, продолжая сидеть на скамейке, внимательно наблюдал за незнакомкой, а та продолжала креститься и читать вслух молитвы, будто не замечала его.

Девочка была одета в чёрное платье, на голове — чёрная косынка, а на ногах — стоптанные коричневые туфли. Жаль, что её лица он разглядеть не мог, но почему-то был уверен, что оно очень красивое и обязательно заплаканное.

Вскоре девочка перестала молиться и отвешивать поклоны. Взяв в руку сумочку, она встала с колен, как только послышались голоса идущих в школу учеников.

***

Мария Григорьевна обвела класс приветливым взглядом и ласковым, грудным, с лёгкой хрипотцой голосом поприветствовала учеников:

— Здравствуйте, дети!

— Здравствуйте, Мария Григорьевна! — дружным хором громко ответили ученики.

— Поздравляю всех вас с первым учебным днём! — улыбнулась учительница. — Для пятого класса у нас пополнение. Теперь с вами будет учиться Ирына Якимник. От всей души уповаю, что вы все примете её в наш дружный коллектив и обижать не станете.

Мария Григорьевна подошла к двери, открыла её, и в класс вошла та самая девочка, которая молилась у дверей колхозного склада.

— У Ирыны нет родителей, она сирота, — сказала учительница, обнимая девочку за хрупкие плечики и прижимая её к себе. — Она приехала жить к Матвею Кузьмичу, своему дедушке, вы все его знаете.

Матвея Кузьмича Якимника знали все. Он был самым старым жителем деревни. Глухой, хромой и полуслепой от старости, он всегда держался бодрячком и никогда ни на какие хвори не сетовал.

Барыс во все глаза смотрел на новенькую и не мог отвести восхищённого взгляда от её по-

разительной красоты личика. А глаза девочки поражали такой чистой голубизной, что вполне могли посоперничать с чистотой утреннего безоблачного неба.

Барыс мог бы промолчать, не подавать едких реплик, но положение лидера, которое он занимал в классе, не позволило ему промолчать. И он, выпятив грудь, расправил плечи.

— А как нам относиться к новенькой, Мария Григорьевна? — сказал он, встав из-за парты. — Мы же всей страной в новую жизнь вступили, а она... Эта девочка, хоть и сирота, но пережила прошлое. Она вон одета, как попадья, и богу молится, я сам видел.

— О чём ты, Барыс? — строго посмотрела на него учительница. — Ирына всего лишь девочка, а ты обвиняешь её как классового врага.

— Она и есть классовый враг! — рисуясь перед классом, стал развивать свою мысль Смолич. — Буржуи и попы всегда были и остаются непримиримыми врагами нашего Советского государства. А новенькая... Сегодня утром я сам видел, как она встала на колени перед колхозным складом и горячо молилась.

Лицо учительницы после его слов стало растерянным. Она не знала, как возразить сыну председателя колхоза. Мария Григорьевна посмотрела на девочку и тихо спросила:

— Скажи мне, Ирына, Барыс правду говорит?

— Он говорит правду, — с удивительным спокойствием ответила девочка. — Только я не дверям склада молилась, а церкви. Там место намоленное, и я не смогла пройти мимо.

Все ученики, будто сговорившись, осуждающе зашумели. А Ирына прошла к последней парте в среднем ряду, за которой в одиночестве сидел Барыс, и остановилась.

— Мне можно присесть с тобой рядом? — спросила она.

— Конечно же, нет, — отказал он.

— Тогда я займу это место без твоего разрешения, — сказала девочка. — Других свободных мест в классе всё равно нет.

Барысу ничего не оставалось, как передвинуться с середины парты на её правый край, а девочка заняла освободившееся место.

***

Всю ночь напролёт Барыс не сомкнул глаз. Он ворочался в постели с боку на бок, но никак не мог уснуть. Ущемлённое самолюбие терзало его. Внутри всё кипело, руки дрожали. Как только Барыс закрывал глаза, перед ним возникал образ Ирыны. И он видел её не жалкой и обиженной, а смелой и решительной. В девочке он чувствовал соперницу, способную перехватить у него

верховенство над классом. Пока ещё ничего не случилось, и Ирына не предпринимала попыток возвыситься над ним, но к этому, был уверен Барыс, всё шло.

«Эх, была бы она мальчишкой, — с горечью думал он. — Тогда бы я нашёл способ поставить её на место. Отлупил бы где-нибудь за школой и заставил себя уважать, а так...»

Он представил себе Ирыну не девочкой, а задиристым мальчуганом, и как он замахивается, чтобы ударить её, то есть его... И тут сон подкрался и сморил его.

***

Утром, следуя из дома в школу, Барыс обдумывал один из способов своей борьбы с новенькой. Избиение кулаками он исключил, потому что не мог поднять руку на хрупкую девочку. А вот изводить её коварными придирами и издёвками посчитал для себя делом приемлемым. Подходя к школе, он увидел толпящихся во дворе в ожидании начала уроков учеников и сразу же решил действовать.

Барыс подошёл, осмотрелся, но Ирыны в толпе учащихся не увидел. Она появилась чуть позже, когда он здоровался за руку с окружившими его мальчишками.

Девочка шла со спокойным лицом. Барыс облизнул губы, вдруг пересохшие от внезапного волнения.

— Эй, гляньте, вон попадья идёт! — крикнул он, разжигая в себе угасшую ненависть к новенькой. — Сейчас она на ворота склада молиться будет! Там же место намоленное, утварь колхозная вместо икон свалена!

Проходя мимо колхозного склада, Ирына встала перед ним на колени, прошептала какую-то молитву и трижды перекрестилась. Как только она встала, её сразу же плотным кольцом окружили мальчишки и девчонки с насмешливыми, гримасничающими лицами. Они рассматривали девочку со всех сторон, ничуть не смущаясь и выкрикивая издевательские реплики.

— Монашка-бульбяшка! — выкрикнула одна из девочек, хихикая.

— Ладыя-попадья! — выкрикнул ещё кто-то.

Ирына обвела всех спокойным независимым взглядом, и выкрикиваемые учениками злые шутки сразу же прекратились. С невозмутимым видом, как будто происходящее ничуть её не касается, девочка сделала шаг в сторону крыльца, и ученики сразу же расступились, пропуская её.

В это время учительница младших классов вышла с колокольчиком на крыльцо и, позвонив, положила начало первому уроку.

***

Все четыре урока Ирына вела себя так, будто ничего не

случилось. Барыс тоже не цеплялся к ней. Он с угрюмым видом сидел за партой с ней рядом и не слышал, что говорила у доски учительница. Барыс обдумывал свой следующий ход, который собирался предпринять после уроков против соседки по парте.

После уроков Ирына задержалась в школе. В этот день она была дежурной по классу и занималась уборкой. Барыс и все ребята поджидали её у склада. Даже мелюзга из младших классов не спешила расходиться по домам. Они стояли в сторонке и терпеливо дожидались начала представления.

Барыс был настроен решительно. Он собирался раз и навсегда поставить гордичку на место. Мальчик был полон решимости унижить её в глазах всех учеников.

Ирына, закончив уборку в классе, вышла из школы. При виде собравшихся учеников на её красивом лице не мелькнула даже тень тревоги и беспокойства. Девочка не спеша сошла с крыльца, и тут же Барыс и все остальные оказались с ней рядом.

— Эй, монашка, ты чего возомнила о себе? — с деланной бравадой накатил на неё Барыс. — Припёрлась сюда невесть откуда и ведёшь себя так, будто королевна заморская, а мы все твои слуги.

Ирына посмотрела на него полным недоумения взглядом,

потом обвела им всех окруживших её учеников.

— Чего вы хотите, девочки и мальчики? — спросила она. — Почему пытаетесь обвинить меня в том, чего нет?

— А то как же, нет! — ухмыльнулся Барыс. — Мы тут все дураки, а ты умная.

— Я такая, какая есть, — сказала Ирына. — И вас я ниже себя не считаю. Все вы хорошие и добрые — как мальчики, так и девочки, и зла я вам никому не желаю.

Она сделала шаг, пытаясь выйти из круга, но на этот раз её не выпустили.

— Ну? Что ещё? — спросила Ирына, посмотрев своими удивительными глазами на Барыса, да так проникновенно, что ему показалось, будто её взгляд проник ему в самое сердце.

— Эй-эй, а ты на меня так не зыркай, — растерялся он. — Ты лучше расскажи всем нам, кто ты и откуда пожаловала.

— А ещё пусть расскажет, почему богу молится! — выкрикнул кто-то. — Всем известно, что бога нет, святых нет и ангелов нет тоже!

Девочка приподняла голову и попыталась отыскать глазами того крикуна, который позволил себе это греховное высказывание.

— Вы все, кто так думает, ошибаетесь, — сказала она очень тихо. — Согласно христианству, надеяться на спасение души — вечную жизнь в раю — могут

только верующие в Иисуса Христа. Как-то раз, ещё очень давно, сам Иисус сказал: «Я — это путь, в котором есть истина и жизнь, никто не придёт к Отцу без веры в меня».

Все присутствующие притихли, переваривая её слова, но Барыс...

— Нет бога, нет! — вскричал он возмущённо. — И святых, и ангелов нет тоже! Религию попы выдумали, чтобы дурачить людям головы и держать их в узде!

— Бог не заставляет верить в него, — поморщилась Ирына. — Если человек намеренно отказывается от Бога, то это его выбор, но прощения на Страшном суде он не заслужит.

— Ха! — воскликнул Барыс. — Если, как ты говоришь, есть бог, значит, есть и святые? Но почему они не являются к нам? Почему мы их не видим?

— И святые есть, и ангелы, — серьёзно ответила Ирына. — Ангелы — это вестники, посланцы Божьи. Их невозможно увидеть, если они сами этого не захотят. И они сообщают волю Бога и могут творить чудеса!

Девочка снова попыталась выйти из круга, но и на этот раз её не выпустили.

— Скажи, монашка, а ты случайно не ангел? — насмешливо осклабился Барыс. — Я никогда не видел этих «птиц», но слышал, что у них за спиной растут крылья. А давай посмотрим, есть ли крылья за твоей спиной?

Ирына округлила глаза. Ей не понравилось предложение Барыса, но по заинтересованным лицам других учеников она поняла, что его все поддерживают.

— Ни крыльев, ни хвоста, ни рогов, ни копыт у меня нет, — сказала она. — Хочешь — потрогай мою спину. Если на ней есть крылья, ты их обязательно нащупаешь.

— Нет, трогать тебя я не буду, — заулыбался Барыс. — Ты лучше разденься, а мы все на тебя посмотрим.

Девочка покраснела, затем побледнела, но спорить и что-то доказывать не стала. Она поставила на землю свою сумочку и принялась расстёгивать пуговички на платье.

В это время окружавшие её ученики пришли в движение. Они зашумели и загудели, а Барыс вдруг почувствовал такой острый стыд, что готов был провалиться на месте. Ирына расстегнула пуговички и уже собралась было стянуть через голову платье, как вдруг на крыльцо школы вышла учительница, и, увидев её, все учителя бросились врассыпную.

***

Время шло. Незаметно минули сентябрь и октябрь. Ноябрь тоже приближался к концу.

В деревне никаких особых перемен не произошло. Закончили все осенние полевые и прочие работы, подготовились к зиме...

Наступившая зима заявила о своём приходе мощной пургой и обильным снегопадом. Снега выпало очень много. Дворы заровняло, дома занесло по крыши. Но такое обилие снега не пугало и не удручало колхозников. За несколько дней сообща, вооружившись деревянными лопатами, они расчистили единственную деревенскую улицу, привели в порядок дворы, и жизнь потекла по зимнему распорядку.

Учебный процесс в школе тоже протекал по своему, особенному распорядку. Однако с наступлением зимы ученики заметно охладели к учёбе. Дети жили ожиданием Нового года и начала каникул. А вот для противника учёбы Барыса предновогодняя пора была самой желанной. Его мечта была вполне осуществима. После окончания школы он собирался выучиться на тракториста, затем поступить на работу в МТС, а потом...

«А потом женюсь, наверное, — думал он, сидя за партой. — На ком? Об этом потом думать буду. — Он покосился на сидевшую рядом Ирыну. — Только не на ней. Монашка красивая, очень красивая, слов нет. Но она ни о ком не думает, кроме как о своём боге. А такая жена... Фу, даже думать о ней неохота...»

Но не думать об Ирыне Барыс не мог. Он всячески заставлял себя откреститься от соседки по парте, но не хватало духа. Внешне он делал вид, что

не замечает её присутствия рядом... Но сердце замирало, когда девочка входила утром в класс, и стучало весь день, как сумасшедшее.

Ирына больше не поддерживала разговоры о Боге. А училась она просто бесподобно. Круглая отличница, пятёрки по всем предметам. Она всегда выполняла заданное на дом, успевала вести домашнее хозяйство, но при всех своих добродетелях Ирына будто не замечала Барыса, хотя сидели они за одной партой. Он часто бросал на неё украдкой быстрые косые взгляды, но она в его сторону не смотрела никогда.

Барыса бесило такое невнимание к своей персоне пришлой замухрышки. Он искренне желал завязать с ней добрые отношения, но не знал как. Мальчик был виноват перед ней, но извиниться гордость не позволяла.

Однажды чаша терпения Барыса переполнилась, и он решил убрать строптивцу из деревни навсегда. Он не мог больше выносить душевных страданий и посчитал, что, спровадив девочку с глаз долой, вернёт всё на место, и прежняя беззаботная жизнь наладится.

***

Поводом к решительным действиям послужил отказ девочки проводить её после уроков из школы до дома. Барыс долго готовился переступить через свою

гордость и сделать соседке такое унижительное для себя предложение. Как раз в этот день свирепствовала пурга, и его душевный порыв прозвучал не как завуалированный призыв к дружбе, а как предложение помощи.

— Ты добрый мальчик, Барыс, но я сама дойду до дома, — не оценила по достоинству его предложение Ирына. — Мне ещё в магазин зайти надо и на почту. Если ты хочешь кого-то проводить в такое ненастье, то у нас в классах много мальчиков и девочек, которые действительно нуждаются в твоей помощи.

Её ответ Барыс воспринял как пощёчину, которая вернула ему прежнюю неприязнь к ней и желание отомстить. Придя домой, он помог матери по хозяйству, а затем сел за стол, положив перед собой лист чистой бумаги.

***

Три дня спустя отец после ужина подозвал его к себе и поинтересовался:

— Как твои дела в школе, сынок? Как учёба? Как успеваемость?

— Да так, — пожал неопределённо плечами Барыс.

— «Да так» — это как? — поморщился отец.

Барыс, уводя глаза в сторону, снова пожал плечами.

— Понятно, — вздохнул отец. — Про таких, как ты, принято говорить «большой, а без гармошки».

— А что? — заговорил Барыс.
— Читать, писать и считать я научился. А всё остальное зачем мне знать? Работать на тракторе я смогу и с этим образованием.

— Образование, сынок, везде почитается, — не согласился с ним отец. — А я всегда завидовал и завидую белой завистью людям грамотным, образованным. Мечтал, что из всех моих детей ты, самый младший и смыслённый, гордостью нашей семьи станешь. Выучишься, крепкое большое образование получишь, а ты...

Он с минуту помолчал, а затем закончил:

— Чую, выучишься ты с таким «рвением» или на собак брехать, или навоз пинать на ферме. Ну да ладно, на сегодня достаточно. Послезавтра разговор, нами нынче начатый, продолжим. Завтра в райцентр поедешь. Сам бы поехал, но что-то неважно себя чувствую.

***

Барыс рано утром запряг лошадь в сани. С собой он взял ружьё и узелок с продуктами. На лесной дороге могли встретиться волки. Весной, летом и осенью, когда в лесу много было пищи, они вели себя по отношению к людям спокойно, а с наступлением зимы собирались в стаи и бродили возле сёл, нападая на домашних животных. Волк способен напасть и на человека, особенно если обессилен раной или

болезнью и не может добывать себе привычную пищу. Такие волки изгонялись из стаи своими же собратьями и становились серьёзной угрозой для сельчан.

Один из таких изгоев объявился в окрестностях деревни и совершал дерзкие нападения на домашних животных и даже на собак. По следам на снегу деревенские мужики сделали вывод, что волк, поселившийся рядом с деревней, — очень крупная особь. У зверя имелся существенный изъян — отсутствовала передняя правая лапа. Видимо, животное не так давно попало в капкан и, чтобы освободиться, отгрызло себе лапу. Став калеккой, волк в поисках добычи становился вдвойне осторожным, чрезвычайно опасным и непредсказуемым.

Выполнив поручение отца, Барыс не сразу вернулся домой. Легонько подгоняя лошадь кнутом, он проехал по райцентру и остановил сани у здания милиции. Мальчик прошёл к дежурному и остановился перед столом, за которым тот сидел.

— Ну? — поднял глаза милиционер. — Тебя что интересует, малец?

— А начальнику у себя? — поинтересовался Барыс, едва ворочая от волнения языком.

— Для чего он тебе? — полюбопытствовал милиционер. — Задавай мне любые вопросы, и я отвечу на них.

— Нет, я зашёл не вопросы задавать, — смутился Барыс. — Я вот письмецо завёз из деревни.

— Из деревни? Письмо? — округлил глаза милиционер. — Что за письмо? Из какой деревни?

— А там всё написано, — ответил Барыс, бросая письмо на стол и пятясь к выходу. — Меня только попросили завезти его в милицию и отдать начальнику, а дальше дело не моё.

— Эй, малец, а ну подожди! — крикнул милиционер, привставая из-за стола. — Ты должен...

Барыс не услышал окончания фразы. Он выскользнул на улицу, вскочил в сани и, погоняя лошадь, помчался вон из посёлка.

***

Матёрый волк-одиночка, опустив морду, бежал на трёх лапах, мягко, неслышно ступая по глубокому снегу. Мускулы напряжены, хвост опущен. Он бежал на запах добычи, к пролегающей через лес дороге, туда, где собирался добыть себе пищу. Добежав до дороги, он задержался, присел и, задрав вверх морду, принялся. Ещё явственнее почуяв запах мяса, он припал к снежному покрову и затаился, готовясь к прыжку. Отсутствие передней лапы лишало его былой удали, но острый голод заставлял добывать себе пропитание любой ценой.

***

Барыс ехал через лес в отвратительном настроении. Он корил себя за подлый поступок, который совершил, поддавшись своей ущемлённой гордости. Мальчик жалел, что отнёс-таки донос на Ирыну в милицию, но понимал, что маховик уже запущен и что-то изменить, повернуть вспять невозможно.

«Какая же я скотина, дерьмо собачье! — с запоздалым раскаянием сокрушался Барыс. — Ну не по нраву я ей, и что? За это надо было строчить на неё донос? А в чём её вина? В том, что богу молится? И пусть бы себе молилась, если верит в него. А я ведь так полил её грязью в своём доносе, что Ирыну не просто заберут, а ещё, чего доброго, как врага народа отправят не в детдом, а в какую-нибудь колонию для малолетних преступников. А что она сделала? Да ничего...»

Досадуя на себя, он заплакал, вытирая слёзы варежкой. Сердце щемило от противоречивых чувств, а голова разрывалась от лавины горестных мыслей.

Вдруг лошадь, будто что-то почуяв, забеспокоилась. Мгновение спустя она шарахнулась в сторону так резко, что Барыс, ничего не поняв, кубарем вылетел из саней. Задрав хвост, лошадь помчалась вперёд по дороге. А мальчик, приподняв голову, осмотрелся и увидел

серого хищника, прилёгшего на снег в паре десятков метров от него.

Морда волка вовсе не казалась страшной, оскаленной и злобной, но Барыс знал, что на самом деле он готовится к броску, а ему нечем защититься. Ситуацию усугубляло ещё то, что, вылетев из саней, он провалился по грудь в сугроб и не мог оказать хищнику сопротивления.

«Ну всё, без ружья я пропал, — подумал с ужасом Барыс. — Сейчас волк легко загрызёт меня, а я и сделать ничего не смогу».

Слёзы отчаяния брызнули из глаз. Ему не хотелось умирать. Барыс предпринял отчаянную попытку выбраться из сугроба, но тщетно — полушубок сковывал движения. А волк... Казалось, ни один мускул зверя не действует, сверкают только злобные глаза.

— Господи, помоги, спаси меня, если ты есть! — громко взмолился Барыс. — Клянусь, что всю свою жизнь буду верить в тебя и молиться!

Он так и не понял, услышал ли его просьбу Бог, но увидел, что волк, оскалившись, пополз к нему. Готовясь к страшной смерти, Барыс зажмурился, и вдруг...

Пронзительный визг словно оглушил его. Мальчик задрожал, глубоко вздохнул и, открыв глаза, увидел, что волк замер на

месте, так и не совершив убийственный прыжок. Барыс чуть повернул в сторону голову, да так и замер с открытым ртом.

Сначала он увидел невесть откуда появившуюся Ирыну, стоявшую в стороне возле больших деревянных санок. Затем девочка на глазах Барыса начала чудесным образом меняться. Она как будто подросла и стала выше на целую голову. Ирына скинула пальто и осталась в ослепительно белом одеянии. Девочка сняла с головы толстый шерстяной платок, и Барыс обомлел, увидев рассыпавшиеся по её плечам чудесные золотистые кудри. Он впервые увидел девочку без платка, и её волосы поразили его своим великолепием. Барыс напрягся, ожидая, что за спиной Ирыны вот-вот вырастут крылья, но этого чуда не произошло.

Позабыв об опасности, он разглядывал Ирыну во все глаза. Сейчас она казалась ему не девочкой, а поразительно красивым юношей.

— Ну и дела, — прошептал Барыс потрясённо. — Я сплю, и мне всё это снится? Или...

Он перевёл взгляд на волка и сразу понял, что творящиеся чудеса происходят наяву и нависшая над ним смертельная опасность никуда не делась.

Барыс пошевелился в сугробе и попытался из него выбраться, но у него снова не получилось. Снег давил его со всех сторон,

как тисками. Хищник без труда мог справиться с ним, но бездействовал. Он больше не проявлял признаков агрессии, просто лежал на снегу и смотрел на Ирыну кротким, покорным взглядом. А она, вытянув вперёд руки, медленно приближалась к нему. Вот она подошла к волку и присела перед ним.

— Ну что ты, волчок? — заговорила она удивительно приятным, завораживающим, неземным голосом. — Вижу, ты попал в беду, лишился лапы, а сейчас голоден.

Волк встрепенулся. Он не зарычал, он жалобно заскулил... И случилось невероятное — волк облизал руки Ирыны.

Не поворачивая головы, девочка обратилась к едва живому от страха Барысу.

— Повторяй за мной слово в слово всё, что я буду говорить, — сказала она. — Если жить хочешь и веришь в Бога.

С трудом проглотив скопившуюся во рту слюну, мальчик прошептал:

— Говори... Я повторю всё, что ты скажешь.

— Я не мясо, душа крещёная, — заговорила девочка, глядя в глаза волка.

Барыс повторил.

— Господом благословлённая, — продолжила Ирына.

Барыс повторил.

— Ни один волк не возьмёт моей души, и ни два, и ни вся стая.

Барыс повторил, а Ирына закончила:

— Ангелы, архангелы, земля, тропа, щит. Аминь.

Дождавшись, когда мальчик повторит последнюю фразу, Ирына как будто утратила к нему интерес. Всё своё внимание она снова переключила на волка, из глаз которого стекали крупные слёзы.

— Дай-ка мне твою лапку, волчок, — сказала она.

Зверь послушно протянул ей обрубок правой передней лапы. Ирына погладила её, что-то пошептала, а потом отпустила.

— Всё, — прошептала она, — а теперь можешь уходить в лес, волчок.

Волк радостно заскулил, вскочил на ноги и облизал лицо девочки. Затем он развернулся и помчался в лес на четырёх лапах.

— Ты что ему сделала? — прошептал поражённо Барыс. — Как ты смогла?

— Молчи, — обернувшись, сказала ему Ирына. — Что я сейчас собираюсь делать тебе, не обсуждается.

Барыс молчал, когда девочка легко, словно пушинку, вытянула его из глубокого сугроба и уложила в санки. В его голове созрело много вопросов, но он не мог открыть рот, чтобы задать их.

— Вот, выпей, — протянула ему бутылочку с мутноватой жидкостью Ирына. — Это взбодрит тебя и придаст силы.

Мальчик послушно выпил всё содержимое бутылки. Сначала всё поплыло у него перед глазами, затем всё исчезло, и он погрузился в радужный сон, полный красочных, радостных сновидений.

***

— И ты считаешь, что тебя спас ангел-хранитель? — как только старик закончил свой рассказ, поинтересовался доктор.

— А ты полагаешь иначе? — хмуро посмотрел на него Барыс Лукич. — Да, меня спас мой ангел-хранитель, явившийся ко мне в образе хрупкой девочки.

— Но, как уверял меня священник в храме, ангелы очень редко являются людям, — улыбнулся Степаненко. — А если и являются, то только в мужском образе.

— Я рассказал тебе правдиво то, что со мной случилось в далёком детстве, — вздохнул старик. — А уж ты сам кумекай, верить тебе моим словам или же нет. Ангел — посланник Божий, и он сам решает, в каком образе явиться.

— Хорошо, допустим, — заговорил задумчиво доктор. — Но ты не рассказал мне до конца свою историю. Девочка или ангел в её образе перенесла тебя в деревню? Уж не на санках ли, о которых ты упомянул?

Барыс Лукич пожал неопределённо плечами.

— Хоть убей, не знаю, — сказал он. — Сколько живу, столько и размышляю над этим. Ломаю головушку, на санках меня перевезла или по воздуху перенесла. В себя я пришёл на крыльце своего дома. Мать, открывшая дверь, так и ахнула, меня увидев. Я спросил у неё, что случилось, а она рассказала, что вся деревня ушла в лес на мои поиски. Лошадь вся взмыленная прибежала в деревню, а меня в санях нет. Вот отец и собрал всех мужиков на мои поиски.

— И что было после, когда все вернулись? — морща лоб, спросил доктор.

Старик пожал плечами.

— А чего? Да ничего. Все порадовались, что я целым и невредимым домой вернулся. Только вот не поверили, что на меня трёхлапый волк напал.

— Почему?

— А потому, что из леса к дорожке след трёхлапого волка на снегу обозначился, а вот от дорожки обратно в лес зверь уже на четырёх лапах ушёл, — пояснил Барыс Лукич. — Видать, ангел мой дал ему лапу невидимую. Её вроде как нет, а она есть.

— Ну а как восприняли сельчане твой рассказ о чудесном спасении? — хмыкнул доктор. — Берусь предположить, что не поверили.

— Если рассказал бы я им тогда, что со мной стряслось, то не поверили бы, — вздохнул старик.

— Да я и сам бы не поверил, если бы мне кто-то другой поведал. К счастью, рассказать я ничего тогда не мог. Всё, что касается моего спасения, из башки будто метлой начисто вымели. Только два года спустя, перед самой войной, я всё вспомнил, но решил молчать, чтобы не выставлять себя на посмешище.

— А девочка та, Ирына? — спросил Степаненко. — Какова её судьба? Выросла и замуж вышла или взмахнула крылами и в небеса вознеслась?

Барыс Лукич развёл руками.

— Нет, судьбы её я не знаю, — сказал он. — На другой день после моего возвращения дед её помер. Как только его похоронили и отвели черёд поминкам, исчезла она. Всем селом искали, но так и не нашли. Милиционеры из райцентра по моему доносу приехали, тоже искали и не нашли. Так её след и затерялся. Я её всю жизнь потом искал... Душой чувствую, что ангел-хранитель мой всегда рядом, но больше очами не вижу его.

— Если ты рядом его чувствуешь, значит, он как-то даёт знать о своём присутствии? — предположил доктор.

— Не только знать о себе подавал, но и выручал не раз, — кивнул старик. — Особенно когда война началась. Пришли в деревню немцы, расстреляли половину народа, а родителей моих самыми первыми к стенке поставили. Мне улизнуть

удалось. Ангел помог, я точно знаю. А потом я связным был в партизанском отряде. И тогда ангел не раз выручал меня, беду отводил.

— И как же именно? — заинтересовался Степаненко.

— Всяко-разно, — пожимая плечами, ответил Барыс Лукич. — Вот раз немцы меня поймали и пытали трое суток. Хотели вызнать, где отряд наш находится. Я терпел, все побои сносил... А потом сломался я и решил всё рассказать немчуре, о чём они допытывались. Да только ночью ангел ко мне пришёл. Во сне, наверное. И не велел мне ничего говорить врагам, призывал к терпению. Говорил устами Ирыны, что испытание это мне с небес ниспослано. Если я его выдержу, то сам спасусь и партизан спасу тоже. И я выдержал.

— А осколки в тебе откуда? — спросил доктор. — Значит, твой ангел не всегда помогал тебе?

— Нет, он помогал мне всегда, — не согласился старик. — Когда армия наша пришла и немцев из Белоруссии вышибла, я тогда с ней пошёл. Разведчиком воевал, до Берлина дотопал. Там и получил ранения тяжёлые. Тогда мы выбивали из укрепления немцев, там засевших, вот граната и прилетела с их стороны. Возле меня рванула. Все, кто рядом был, полегли, а меня только два осколка и зацепили.

— Ангела своего ты сейчас помнишь, не забыл? — задал

последний вопрос Степаненко. — Образ его ты помнишь?

— Настолько хорошо, будто вчера с Ирыной расстались, — вздохнул Барыс Лукич. — Она в памяти моей навсегда поселилась. Я после войны художника нашёл хорошего. Описал ему словесно образ Ирыны, а он с моих слов нарисовал её. Хорошо получилось, глаз не отвести, но... В жизни она лучше гляделась, так, что не описать никакой кистью, никаким пером. Вот, полюбуйся.

Старик снял с шеи кулон и протянул его опешившему доктору.

— Что это? — спросил он растерянно.

— Погляди и всё поймёшь, — сказал Барыс Лукич.

Кулон был необычный. На фрагменте дерева художник виртуозно изобразил лицо девочки лет двенадцати-тринадцати. Тонкие, изящные черты, небесной

чистоты глаза. Девочка была прекрасна.

Переполюняемый эмоциями Степаненко вернул старику кулон, распрощался и вышел из палаты. Всю ночь он провёл за столом в размышлениях, прокручивая в голове невероятный рассказ Барыса Лукича.

***

На следующее утро он пришёл в палату старика и застал его мёртвым. Барыс Лукич лежал на спине, прижимая к груди медальон. Его остановившийся взгляд смотрел в потолок, на лице замерла счастливая улыбка.

— Дай Бог, чтобы ты видел, умирая, светлый лик явившегося за тобой твоего ангела, — прошептал, отходя от его кровати, врач. — Ты всю жизнь верил, что твой хранитель всегда был рядом. И я от всей души уповаю, что это было не просто воображение, а чистая правда.